

*Ю.В. Хитрово
Y.V. Hitrovo*

**К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА ОКОНЧАТЕЛЬНОГО
УСТАНОВЛЕНИЯ ГОДА РОЖДЕНИЯ
РУССКОГО ПОЛКОВОДЦА М.И. КУТУЗОВА**

**TO RESOLVE THE ISSUE OF THE FINAL
ESTABLISHMENT OF THE YEAR OF BIRTH
OF THE RUSSIAN COMMANDER M.I. KUTUZOV**

Посвящается памяти Надежды Михайловны Хитрово-Кромской (в замужестве Вершининой) — ветерана Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., достойного потомка своего замечательного предка, главнокомандующего русской армией в Отечественной войне 1812 года М.И. Кутузова, в связи со столетием со дня рождения в 1922 г.

На основании исследований Ю. Н. Яблочкина «О вновь выявленных документах к биографии М. И. Кутузова» 1959 г. и Л.Н. Макеенко «Голенищевы-Кутузовы и их родственники» 1997 г.

Based on the research of Yu. N. Yablochkin “On newly identified documents for the biography of M.I. Kutuzov” in 1959 and L.N. Makeenko “Golenishchevs-Kutuzovs and their relatives” in 1997.

Ключевые слова: Отечественная Война, 1812 год, Полководец, Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, Год рождения.

Keywords: Patriotic War, 1812, Commander, Mikhail Illarionovich Golenishchev-Kutuzov, Year of birth.

Этот доклад является третьей частью доказательств в обоснование традиционной даты рождения М.И. Кутузова — 1745 г., вместо 1747 г., предложенного в середине XX в. Но в начале этого доклада я кратко изложила суть двух первых частей, чтобы логическая связь между ними не прерывалась.

На сегодняшний день остро встал этот далеко не праздный вопрос: какой год, 1745-й или 1747-й, будет официально признан и утвержден годом рождения М.И. Кутузова — главнокомандующего русской армией в 1812 г. От этого выбора зависит дальнейшая судьба памятных и юбилейных дат, связанных с его именем.

В последний раз Россия широко отмечала 250 лет со дня рождения М.И. Кутузова в сентябре 1995 г. Но в последующие десятилетия СМИ (и не только они!) дни его рождения практически обходили молчанием. Не исключением стала и дата 16 сентября юбилейного 2020 г., когда М.И. Кутузову исполнилось 275 лет со дня его рождения.

Этот знаменательный юбилей прошел, мягко говоря, незаметно. Как я полагаю, это произошло не только из-за пандемии. Скорее всего, это связано с тем, что вот уже более 25 лет историки никак не договорятся, оставить ли привычный год рождения полководца, 1745-й, или же принять и узаконить предложенный исследователями во второй половине XX в. — 1747 г.

Подобное замалчивание юбилея М.И. Кутузова может обернуться для России новым витком прочтения русской истории, особенно при желании переставить события с ног на голову. А нет годовщины рождения — так кто ж его, первого полного георгиевского кавалера, вспомнит?!

Как прямой потомок Михаила Илларионовича, я не могу согласиться с подобной ситуацией, тем более что на сегодня этот вопрос, выйдя из области сугубо исторического знания, приобрел общественную значимость, и теперь его решение уже не терпит отлагательства. По образованию я не историк и тем более не военный специалист, и мне пришлось вникать в суть этого вопроса, используя свой жизненный опыт.

В своей работе я опиралась в основном на серьезные статьи двух авторов: ленинградского военного историка Ю.Н. Яблочкина, поднявшего вопрос даты рождения полководца в статье 1959 г. «О вновь выявленных документах к биографии М.И. Кутузова», и работу сотрудницы Псковского музея-заповедника Л.Н. Макеенко, опубликованную почти через 40 лет, в 1997 г., «Голенищевы-Кутузовы и их родственники». Авторы, уточняя в своих исследованиях год рождения фельдмаршала, добросовестно, на мой взгляд, проработали доступные им материалы, сделав свой главный вывод — годом рождения полководца считать 1747 г.!

Но отдельные их доводы мне показались противоречивыми, а некоторые из них — искусственно притянутыми для подтверждения нужной датировки. И я, на основе их же материала, а также некоторых современных сведений, сделала свой, и как мне кажется, более объективный вывод, — годом рождения Михаила Илларионовича считать традиционный 1745 г. Сложилась странная ситуация: безусловно, радует внимание специалистов к памяти моего предка, но, тем не менее, я продолжаю настаивать на старой датировке.

К моему глубокому сожалению, работа над этой статьей сильно затянулась, и поэтому я так запоздало выступаю со своими выводами. Дело оказалось даже не в объеме текстов, а в тех противоречиях многочисленных данных, к которым апеллировали исследователи, приводя их в качестве бесспорных аргументов.

Чтобы наверстать упущенное время, я, по мере завершения отдельных доказательств, отдавала их в виде статей в 2021–2022 гг. для публикации в разные музеи: ГИМ «К вопросу уточнения года рождения русского полководца М.И. Кутузова» и Малоярославецкий музей Отечественной войны 1812 г. «Актуальность решения вопроса по поводу года рождения...».

История этого вопроса началась еще в 1950-е гг., когда составители полного пятитомного Сборника документов «М.И. Кутузов»¹ при сопоставлении формулярных списков, заполненных рукой полководца, обратили внимание на то, что в них его возрастные данные не соответствуют общепринятому году его рождения, а разброс дат колеблется от 1743 до 1748 гг.

Такие разночтения в датах настораживали исследователей, и Ю.Н. Яблочкин свел эти сведения в таблицу², и на основании полученных данных он пришел к выводу, что: «...годами рождения [М.И. Кутузова следует считать] — либо 1747 либо 1748 г.»³

Прежде, чем перейти к первому доказательству, я, уверенная в том, что насыщенная яркими событиями биография отца поможет установить правильный год рождения его сына, использовала в качестве важного аргумента, сведения, связанные с начальным периодом карьеры Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова — отца М.И. Кутузова, которыми исследователи пренебрегли. И особенно мне был интересен период, когда отец Михаила Илларионовича,

поступив 8 октября 1733 г. (в возрасте 15–16 лет) в Петербургскую военно-инженерную школу, по окончании ее в феврале 1737 г., был направлен в пограничные северо-западные районы России.

Об этом периоде оба исследователя сообщают с незначительными вариациями. Например, у Яблочкина: «...в течение ряда лет он участвовал в съемках местности в окрестностях Петербурга, Кронштадте, Выборге, Кексгольме и непосредственно на русско-шведской границе»⁴; а у Макеенко мы находим более подробные сведения: «С 1738 по 1741 годы Ларион Матвеевич занимается съемкой местности [с дальнейшим перечислением тех же мест]»⁵.

Сведения о начале карьеры молодого офицера у обоих исследователей зачастую повторяются почти дословно: «В апреле 1741 г. И.М. Голенищев-Кутузов был назначен флигель-адъютантом в ранге подпоручика к командиру Кронштадтской крепости и гарнизона генерал-аншефу фон Люберасу, а спустя год повышен в чине — в ранг капитана...»⁶, а позже Макеенко повторяет эти же сведения, но с существенным дополнением: «С 1741 по 1752 годы он служит флигель-адъютантом, в начале в чине армейского подпоручика, а с 1742 г. в ранге капитана у генерал-аншефа фон Любераса...»⁷, о карьере которого достаточно подробно рассказано в Интернете на страницах Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и А.Е. Эфрона.

Судя по тому, что год спустя И.М. Голенищев-Кутузов был повышен в чине, он, по-видимому, сумел показать себя: «В июне 1743 г. он участвовал в составе русской делегации в заседаниях мирного конгресса со Швецией в Або, за что был награжден большой серебряной медалью...»⁸ и далее у Макеенко: «Вместе с фон Люберасом, бывшим послом в Швеции с 1743 по 1745 годы, Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов находится на конгрессе в Або и в Стокгольме... С 1746 г. он в Петербурге, где привлекается на инженерные работы...»⁹.

Предполагаю, что специфика его службы, мобильность в передвижениях, сопутствующая его должности, помогала молодому офицеру хорошо ориентироваться на местности и позволяла ему максимально быстро оказаться по делам службы в любой части России. Я не исключаю возможности, что во время таких поездок он встретился со своей будущей невестой и женился. Особенно, на мой взгляд, этому поспособствовало награждение его медалью за участие в работе мирного конгресса в Або в июне 1743 г., благодаря

чему он мог получить разрешение на длительную отлучку. Таким образом, факт мобильности молодого флигель-адъютанта нельзя сбрасывать со счетов.

Но, именно в этом вопросе исследователи разошлись во мнении, и Яблочкин, говоря о пребывании офицера за границей, увидел в этой ситуации главный аргумент, подтверждающий невозможность отцовства на этот период:

«Против факта рождения Кутузова в 1745 г. говорит еще следующее соображение. По формулярным спискам отец полковника с 1742 по 1746 г. находился вне Петербурга <...> В 1743 г. он уехал за границу и еще в феврале 1745 г. находился в Стокгольме...»¹⁰ Макеенко же, напротив, подчеркнула его высокую мобильность, не сделав при этом никаких выводов: «Илларион Матвеевич в это время занимался постройкой Кронштадтского канала и находился в постоянных разъездах...»¹¹.

Я предполагаю, что во времена работы исследователей им было труднее, чем сейчас, найти качественный справочный материал. Но каждый из них внес свою лепту в доказательство новой даты рождения М.И. Кутузова.

Разумеется, что Макеенко, используя вслед за Яблочкиным уже известные сведения, добавляла новые биографические подробности, иногда прямо противоположные уже упомянутым, как в случае первого представления недоросля Михаила Голенищева-Кутузова в Комиссию сената дядей: «Вернемся еще раз к документу 1754 г. Недоросля Михаила на первый смотр представляет его дядя Иван Матвеевич. Это говорит о том, что Ларион Матвеевич был весьма занят...»¹², а по Яблочкину выходит, что с сыном был отец: «...Сведения отца подтверждаются его начальником в рапорте от 8 апреля 1759 г., где уточняется дата явки шестилетнего М.И. Кутузова в Герольдмейстерскую контору, 26 июня 1754 г.»¹³.

И, каждый из исследователей, несмотря на различные доводы, в свое время пришел к общему мнению — годом рождения М.И. Кутузова считать 1747 г. А я на основании своих доводов продолжаю настаивать на дате: 1745-й!

В качестве основного аргумента я взяла письмо-рапорт отца Михаила Илларионовича — Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова от 17 апреля 1759 г., которое сразу же привлекло мое

внимание. Это письмо, приведенное Яблочкиным в его статье, было написано на имя генерал-фельдцейхмейстера графа П.И. Шувалова по поводу зачисления сына Михаила во вновь открытую в том же году Артиллерийскую и Инженерную школу, и стало главным в цепи доказательств историков.

В начале этого письма отец указал: «Имею я сына Михаила 11 лет...»¹⁴ — простое арифметическое действие: 1759 минус 11, и в итоге получился пресловутый 1748 (или 1747) г. — вот она, дата! К моему сожалению, в то время, ориентируясь на опыт и авторитет историков, я не могла предположить, к чему это приведет. По-моему, их доводы оказались не столь безупречными, т. к. исследователи, построив, на первый взгляд, крепкую цепь доказательств, напрочь откинули «жизненно-бытовую» практическую составляющую вопроса, а я, исходя из тех же предпосылок, выстроила свою логику.

С результатами первого этапа моей работы я выступила на Багратионовских чтениях в Бородинском музее только 25 сентября 2020 г. На мой взгляд, уже на том материале мне удалось подробно и достаточно аргументированно изложить свои доводы в пользу традиционной даты. Но пик пандемии коронавируса не позволил мне активизировать свои действия, чтобы привлечь внимание специалистов к данному вопросу, от которых, в силу их научного веса и положения, можно было бы ожидать серьезной помощи в своевременном решении данной проблемы.

Второе доказательство рассматривалось в равной степени обоими исследователями с целью через установленный Яблочкиным год рождения матери полководца рассчитать ее возраст на момент бракосочетания, а через эти даты определить годы рождения двух ее старших детей. Таким образом, год рождения М.И. Кутузова оказался накрепко привязанным к году рождения его старшей сестры.

В первой части этого доказательства для убедительности своей версии исследователи перешли к важному событию в жизни отца Михаила Илларионовича Иллариона Матвеевича — его женитьбе на Анне Ларионовне Бедринской.

В этой ситуации мое внимание привлек к себе любопытный факт: исследователи решили просчитать год рождения мужчины через дату рождения женщины. И я вижу в этом парадокс: в то время,

когда нам не известны года рождения двух не последних в государстве мужчин — отца и сына, годы рождения женщин указываются с непоколебимой уверенностью?!

О жене Иллариона Матвеевича и матери Михаила Илларионовича в статьях исследователей говорится мало: «Совсем уж редко звучала фамилия его матери. Лишь первый биограф фельдмаршала, оставшийся неизвестным, скромно упоминал о ней, называя фамилию Бедринская...»¹⁵. Так у Яблочкина в примечаниях под № 30 к его статье сказано: «Имя матери полководца установлено по записям в исповедных книгах. На основании указанного в них возраста высчитан ее год рождения...»¹⁶. Продолжая тему, Макеенко пишет: «Год рождения, Анны Илларионовны — матери М.И. Кутузова, урожденной Бедринской, Яблочкин рассчитал на основании того, что к моменту замужества в 1743 г. ей было 15 лет. [Далее, Макеенко, приняв исследования своего предшественника, повторяет его выводы] Ленинградский историк Ю.Н. Яблочкин попробовал разобраться в этом вопросе и в середине 1950-х гг. установил, что мать фельдмаршала звали Анной (И) Ларионовной и родилась она в 1728 г.»¹⁷.

Но, по-моему, он сразу же сделал две натяжки: почему-то остановился на дате бракосочетания родителей полководца — 1743 г. и, исходя из этого, вычислил год ее рождения — 1728-й. При этом, сам же себе противореча и утверждая, что она никак не могла выйти замуж: «...поскольку в то время матери полководца было лишь 15 лет...»¹⁸, перенес это событие на 1744–1745 гг. В свою очередь, Л.Н. Макеенко на с. 9 своей статьи, хотя и колеблется, но, не выразив своих сомнений, тем самым поддержала вывод предыдущего исследователя: «Возможно, бракосочетание родителей полководца произошло в 1744 г., когда Илларион Матвеевич приезжал в Москву из Стокгольма, а может быть и позднее, в 1745 г.»¹⁹. Таким образом, оба исследователя, предполагая разные года замужества матери, как-то не заметили, что тем самым меняют год ее рождения. Также немаловажным обстоятельством в ряду доказательств года рождения М.И. Кутузова оказался вопрос старшинства: самого Михаила и его сестры Анны, который ни к чему не привел. На основании своего определения года бракосочетания родителей исследователи решили, что Михаил Илларионович родился в 1747 г.!

Сама возможность такого расхождения возрастов, а значит, и дат рождения, была следствием того, что обязательная регистрация факта рождения в метрических книгах была в России узаконена только в эпоху Петра I, т. е. в конце XVII — начале XVIII вв.²⁰

Я предполагаю, что эта практика наверняка растянулась более чем на десятилетия «...внедрение метрических книг на Руси стало процессом длительным и распространялся не одновременно»²¹, что привело к определенной путанице в документации.

При этом данная ситуация, касающаяся дат рождения, опиралась на религиозные воззрения, дошедшие и до наших дней, что стало для меня откровением. Об этом я узнала из бесед с моей троюродной сестрой, Е.А Раевской. Она внучка и дочь первой волны эмигрантов после революции. Ее родители — истинно верующие люди, носители еще дореволюционных устоев, воспитали и свою дочь в тех же традициях. Прожившая всю сознательную жизнь в Швейцарии, она сохранила их. В разговоре со мной кузина подчеркнула, что в датах рождения для верующих и сегодня важны Именины, т. е. только число и месяц рождения, а год в данном контексте воспринимается как «мирское» и не существенное.

Такое положение вещей хорошо просматривается и на примере родословной моего рода Хитрово, в девятом колене которой с 1700 по 1800 г. было записано всего 47 мужчин и среди них только у десяти были указаны годы рождения²². Церковные воззрения объясняют замедленность введения метрических книг, что вело к грубейшим ошибкам в датах жизни. И именно в это время родились дети Иллариона Матвеевича, которых вполне могли еще не регистрировать. Поэтому меня серьезно заинтересовала такая четкость исследователей в датировке года рождения сестры полковника.

Если бы в основе их доказательств лежала хотя бы одна документально бесспорная дата, я бы посчитала эти доводы основательными и не отстаивала бы сейчас прежнюю версию. Но я этого не увидела. Такой безусловной датой исследователи посчитали дату рождения старшей сестры Михаила Анны:

«20 (31) августа 1746 г.», причем Яблочкин в своем твердом убеждении сослался на Российскую родословную книгу 1855 г. П.В. Долгорукова²³, а Л.Н. Макеенко повторяет те же сведения, но ссылается на другой источник: «Дату рождения Анны Илларионов-

ны Голенищевой-Кутузовой (Ушаковой) сообщает ее правнучка Любовь Петровна Богословская, урожденная Костюрина». И на с. 24 статьи Макеенко дает подробные сведения: «...Екатерина Ивановна — родная внучка А.И. Ушаковой, урожденной Голенищевой-Кутузовой и внучатая племянница фельдмаршала»²⁴.

Встречающееся в текстах исследователей двойное написание фамилии Костюрина (Кастюрина) объясняется выдержкой из Указа Синода от 1779 г.: «Практически каждая метрическая книга отражала речевые особенности священнослужителя и прихожан, <...> — То, что на первый взгляд представляется речевой (языковой) ошибкой, может быть рассмотрено с точки зрения соответствия определённого языковому состоянию...»²⁵.

Дата рождения сестры понадобилась исследователям для установления старшинства между братом и сестрой! В связи с этим в основной части второго доказательства они рассмотрели различные варианты комбинаций связи возраста матери полководца, ее предполагаемого года рождения и бракосочетания с датами рождения старших детей.

Но здесь я пропускаю эти частности, т. к. эту тему я достаточно подробно осветила в статье «Актуальность решения вопроса по поводу года рождения русского полководца», которую я передала в Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года. Я считаю, что этот путь в цепи доказательств оказался тупиковым, а в неосновательности доводов исследователей я убедилась на примере Макеенко, апеллирующей к доказательствам Яблочкина, который легко манипулирует цифрами.

Я остановилась на двух более логичных доводах и вместе с Макеенко перешла к родословной матери: «Родословная Бедринских, найденная И.С. Тихоновым в Российском Государственном историческом архиве, указывает на то, что у Лариона Захаровича Бедринского и его жены Прасковьи Моисеевны была дочь Анна»²⁶ — исследованию Тихонова я поверила безоговорочно. Но продолжение этого текста: «...А отсюда следует, что Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов 1717 года рождения был женат на Анне (И)Ларионовне Бедринской, 1728 года рождения...»²⁷ — заставило меня усомниться.

Недоумение вызвал и указанный здесь год рождения отца, 1717-й, о котором у Яблочкина на с. 89 сказано, что он родился в 1718–1719 гг. Но более странным мне показалось то, что такой

специалист, как И.С. Тихонов, в родословной Бедринских указывает только на один факт, что Анна является дочерью своих родителей, почему-то «забыв» указать год ее рождения, что за него сделала Макеенко.

Таким образом, будущая мать Михаила Илларионовича, Анна Бедринская, указана в родословной без даты рождения, и без уточнения того, что именно она стала женой Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова (хотя такое уточнение зависит от времени составления родословной), что, наверное, является немаловажным фактом для архивиста-историка. И такие, казалось бы, мелочи, как-то не вяжутся с научным обоснованием факта. Возможно, Макеенко привела цитату не полностью, в чем я тоже сомневаюсь — ведь, если бы эти данные были бы указаны в родословной, она бы использовала их, так как они хорошо ложатся в логику ее доказательств.

Следующий довод Макеенко связан с вопросом старшинства брата и сестры: «20 (31) августа 1746 г. у молодой четы Голенищевых-Кутузовых появляется на свет первая дочь, нареченная как мать Анной (будущая Анна (И)Ларионовна Ушакова). [и далее] 5 (16) сентября 1747 г. в семье Голенищевых-Кутузовых вновь прибавление. У Анны (И)Ларионовны, жены (И)Лариона Матвеевича, родился сын и имя ему дали Михаил»²⁸.

Но здесь я не берусь оспаривать правоту специалистов — по-видимому, для исследователей словосочетание «вновь прибавление» заменило им четкое юридическое определение новорожденных как «первенец». Этот литературный оборот позволил исследователям привязать год рождения Михаила Илларионовича после года рождения его сестры. И если та родилась в 1746-м, то год рождения брата не мог быть раньше 1747-го, что естественно вытекало из письма отца (с легкой оговоркой в связи с месяцем рождения сына).

Но мне не давала покоя мысль: «Когда и при каких обстоятельствах мог возникнуть, и тем более закрепиться в памяти потомков этот год рождения сестры полководца?!» — тут доказательства должны быть поосновательнее, чем в вопросе даты жизни матери этих детей.

Поэтому в основу третьего этапа доказательств, ставшего темой этого доклада, вошла сугубо моя версия. Связанная с замужеством старшей сестры, она определила год её рождения, а опосредованно — и ее брата.

Пересмотр этого самого бесспорного для исследователей довода (год 1746-й в дате рождения сестры) ставший сутью моей версии, мне понадобился, чтобы понять, для чего отцу пришлось изменить возраст своей дочери, и каким образом он это сделал. Рассуждая, я сначала пришла к мысли, что отцу необходимо было, изменив возраст сына, также изменить и возраст старшей дочери, а отсюда, и год ее рождения. Но позже я поняла, что загвоздка таится в другом: пожалуй, за этими манипуляциями стояла более важная причина.

Исходя из того, что в те времена в обществе вопрос года рождения был второстепенным, и в метрические записи особы женского пола практически не вносились, а также не было принято обсуждать вопросы возраста, мне стало ясно, что такая ситуация дважды выручила отца, значительно упростив его задачи: сначала — с сыном, а затем, как мы увидим, — с дочерью.

И я пришла к своему заключению, что фактически у каждой женщины происходило, хотя бы раз в жизни, важнейшее событие, которое могло бы сохраниться в чьей-то памяти, событие связанное и с жизнью мужчины, а потому оно могло найти отражение даже в устных сведениях. Конечно же, речь идет о свадьбах! Но отец должен был осуществить задуманное так, чтобы никто из окружающих, и даже сама дочь, не поняли и не обратили бы внимания на создавшееся щекотливое положение.

Но как это можно было сделать?! И на теперешний мой взгляд, отец поступил очень разумно! И самым замечательным в этом деле, является то, что именно он закрепил в умах современников год рождения старшей дочери, и «подарил» сестре Михаила Илларионовича 1746 год рождения, т. е. два года молодости. Как мне кажется, я разгадала замысел и логику действий отца. Противоречия, найденные мной в статьях исследователей, привели меня к пониманию своих замечательных предков: я стала воспринимать их поступки как уравновешенные обдуманые решения.

В числе моих предположений были мысли и о том, что отец каким-то образом мог в письменных источниках зафиксировать нужную дату. Но я посчитала это неверным шагом со стороны отца и слабым местом в моих доказательствах. Я была уверена, что сведения о свадьбе должны были существовать. И я не ошиблась!

Уже в наши дни исследовательница Л.Н. Макеенко сделала мне этот «подарок», найдя и опубликовав в своей статье год объявления свадьбы старшей дочери = полной тезки своей матери — Анны Илларионовны: «В 1767 г. 1 марта «инженер-генерал-майор и кавалер Ларион Матвеев, сын Голенищев-Кутузов челобитьем объявлял, что он выдал дочь свою Анну в замужество за отставного лейб-гвардии капитан-поручика Осипа Петрова сына Ушакова»²⁹, о чем Яблочкин, вероятнее всего, не знал.

Тут-то я и нашла подтверждение моей догадки: дата объявления — 1767 г. По всей вероятности, к этому времени отец и его семья — уже жители Санкт-Петербурга, и потому метрическая регистрация внесла в свои анналы столь торжественное событие, чего и добивался отец.

Похоже, что основные требования метрики к подходящему случаю, сформировавшиеся к моменту замужества Анны, хотя и не полностью, но были соблюдены, как то: «...имя, фамилия, место жительства, национальность, вероисповедание жениха и невесты, в каком возрасте вступают в брак, дата венчания»³⁰. Но что характерно, в объявлении о возрасте не было сказано ни слова.

Таким образом, на этом основании можно говорить о сознательном поступке отца, который предоставил возможность очевидцам и современникам самим домыслить возраст невесты, а значит, и год ее рождения. Разумеется, никто толком не знал, сколько невесте лет. Но, если считать, что она родилась в 1744 г. (как первенец), то в 1767-м ей уже 23 года. Но по тем временам для невесты — это уже не тот возраст, чтобы оповещать всех окружающих. В таком возрасте приличнее «сделать все тихо».

Но Илларион Матвеевич (очень здраво!) рассудил: ну, какой отец станет на весь свет кричать, объявляя свою дочь невестой, если она «перестарок». Раз объявлен год свадьбы, то для всех, ясное дело, невеста — молодуха. Конечно, ей уже не 18 и не 20 лет, но возраст 21 год для невесты вполне приемлем.

Родись она в любом году, объявленный день свадьбы при необходимости и желании участников в таком случае перевешивает все иные даты рождения. И даже, если год не соответствует действительности, то он является более желанным: ведь какая невеста в день ее свадьбы захочет быть старше? А отец, объявив о свадьбе, тем самым закрепил в памяти современников ее более молодой, чем на самом деле.

И в 1767 г. все, узнавшие эту новость, по умолчанию, не официально, приняли возраст, более приличествующий невесте, т. е. 21 год. И отсюда был принят нужный год рождения, который сначала закрепился в памяти современников, но, что особенно важно для нас — врос в сознание потомков; так получилось на века: год рождения невесты — 1746-й, ну, а про числа и месяцы мы уже знаем из Именин.

Но ни Яблочкин, ни Макеенко и на этот раз не разглядели маневра отца. «Разумная книга» — Илларион Матвеевич, очень эффективно и красиво, в рамках существовавших реалий решил сложную, но вместе с тем простую задачу, как исправить положение: со своей стороны он внес такие коррективы в датировку рождения своих детей, что нам и по сей день трудно их оспорить.

Итак, я считаю, отец сознательно пошел на этот шаг, чтобы старшая дочь сохранила свое положение старшей сестры в семье, а в обществе — образ молодой невесты. И неудивительно, что та же Костюрина-Богословская так запомнила год рождения своей прабабки (см. прим. № 23) и передала эту дату дальше своим потомкам, не сомневаясь в ее истинности. И я уверенно утверждаю: вот откуда взялась такая точность года рождения старшей сестры знаменитого брата.

Таким образом, памятью события — датой свадьбы, отец смог закрепить законодательно и увековечить год рождения своей дочери — 1746-й, который и дошел до наших дней. И на основании своей версии я продолжаю настаивать: год рождения Михаила Илларионовича — 1745-й!

Из всего сказанного я делаю следующие выводы: конечно, мне понятно желание каждого исследователя сказать свое слово в любимой науке. И уж особенно заманчиво внести изменение в датировку года рождения человека такого масштаба, как Михаил Илларионович Кутузов. Но, я полагаю, что для этого должны быть выдвинуты более взвешенные аргументы: уж слишком много противоречивого в доводах как Ю.Н. Яблочкина, так и Л.Н. Макеенко. Поэтому, на мой взгляд, пока не стоит ничего менять.

Но для самого Михаила Илларионовича этот вопрос в целом ровным счетом никакой роли не играет и ничего кардинально не меняет — разве что этот малозначительный факт внес путаницу в его летоисчисление, из-за чего он, полководец и спаситель России в 1812 году, остался в 2020 г. в свое 275-летие, без юбилея.

Безусловно, сложилась нелепейшая ситуация, когда техническая оплошность может лишить великого человека его юбилея, а значит, даты рождения, сделать его вне времени и пространства. В связи с этим интересен вывод Яблочкина, сделанный им по поводу принятия родственниками даты рождения Михаила: «Если в силу уже указанных нами причин отвергается общепринятый год рождения Кутузова, то нет оснований отрицать день его рождения — 5 сентября. Более того, это число впервые упоминалось при жизни жены и детей полководца, которые, несомненно, знали его, так как участвовали в традиционных ежегодных семейных праздниках, которыми отмечался день рождения Кутузова. Не опротестовав эту дату, они тем самым косвенно подтвердили ее правильность. К тому же 5 сентября совпадает с днем св. Михаила в церковном календаре, в честь которого, по существовавшему обычаю, был назван в день своего рождения будущий полководец»³¹. Но ведь те же родственники также и не опротестовали и год рождения, принятый на их памяти — 1745-й!

Каковы бы ни были причины, ввиду создавшейся ситуации, мы должны сейчас в знак уважения к памяти Михаила Илларионовича и его родных сохранить дату, которую предпочли они, находясь гораздо ближе и к тому времени, и к тем событиям, и к самому полководцу — и признать дату, сохранившуюся на могиле до наших дней: 1745 год — годом рождения великого полководца, спасителя России в 1812 году!

Автор благодарит за помощь в поисках документов Екатерину Андреевну Светлову — магистранта Института истории Санкт-Петербургского университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 1. М., 1950. С. 3.

² Яблочкин Ю.Н. О вновь выявленных документах к биографии М.И. Кутузова // Ленинградский дом ученых им. М. Горького Академии наук Союза ССР. Сборник докладов военно-исторической секции. № 1. Л., 1957. С. 86.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Макеенко Л.Н. Замечательные люди Опочецкого уезда: Голенищевы-Кутузовы и другие (середина XVIII в. — середина XIX в.) / опочецкий

краевед. музей. Опочка, 1997. С. 3–4.

⁶ Яблочкин Ю.Н. Указ. соч. С. 89

⁷ Макеенко Л.Н. Указ. соч. С. 4.

⁸ Яблочкин Ю.Н. Указ. соч. С.89.

⁹ Макеенко Л.Н. Указ. соч. С. 4.

¹⁰ Яблочкин Ю.Н. Указ. соч. ч. С. 87.

¹¹ Макеенко Л.Н. Указ. соч. С. 11.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Яблочкин Ю.Н. Указ. соч. С. 88.

¹⁴ Там же. С. 85.

¹⁵ Макеенко Л.Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁶ Яблочкин Ю.Н. Указ. соч. С. 94.

¹⁷ Макеенко Л.Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁸ Яблочкин Ю.Н. Указ соч. С. 87;

¹⁹ Макеенко Л.Н. Указ соч. С. 9.

²⁰ Косых Е.А., Чеснокова Е.В. Метрические книги в системе русской культурологической парадигмы. [Барнаул]. [С. 467]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metricheskie-knigi-v-sisteme-russkoy-kulturologicheskoy-paradigmy/viewer>.

²¹ Там же.

²² Родословная книга рода Хитрово. Ч. I: Поколенная роспись рода Хитрово. Колено девятое. СПб., 1866 С. XII–XV.

²³ Яблочкин Ю.Н. Указ. соч. С. 87 (см. в разделе «Графы и дворяне Голенищевы-Кутузовы» за № 122 после упоминания Семена, где указана эта дата).

²⁴ Макеенко Л.Н. Указ. соч. С. 9–10, 24.

²⁵ Косых Е.А., Чеснокова Е.В. Указ. соч. [С. 467].

²⁶ Макеенко Л.Н. Указ. соч. С. 9.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 9–10.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Косых Е.А., Чеснокова Е.В. Указ. соч. [С. 467].

³¹ Яблочкин Ю.Н. Указ. соч. С. 87.